

напечатана необычайно большим тиражом в 1300 экземпляров.⁷ О постановке этой трагедии, однако, ничего не известно.

Соперничество с Сумароковым, в которое Ломоносов был вовлечен в результате повеления императрицы, имеет — помимо придворного — и литературное значение. Главную роль здесь играет принцип *соревнования*, свойственный классицистической эстетике.⁸ В своей литературной продукции поэт европейского классицизма стремится к вневременному совершенству. В этом он является соперником других поэтов. То соревнование в переводе одного из псалмов с церковнославянского языка, которое состоялось в 1743 году между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым, было лишь институционализацией этого принципа, который имел универсальное значение, определяя и продукцию, и рецепцию художественного произведения: современная автору публика вновь и вновь ставится перед вопросом: «Кто лучший стихотворец?»⁹

В условиях русской литературной ситуации тех лет принцип *соревнования* приобрел особенное значение. Развитие русской трагедии находилось еще в начальной стадии: предстояло создать по возможности совершенные ее образцы для последующих поколений; надо было навсегда определить дальнейшее направление жанра — окончательно установить его пределы в системе классицизма. В своих трагедиях Ломоносов получил возможность противопоставить тому канону жанра, который начинал вырисовываться в первых четырех трагедиях Сумарокова, свой собственный канон русской трагедии и соперничать с ним за славу основателя русской трагедии. В идеальном случае, он достиг бы такой же победы, которая выпала ему за несколько лет перед тем в столкновении с Тредиаковским на ниве создания нового русского стиха.

Как известно, Ломоносову не удалось повторить свой успех: в качестве «отца русской трагедии» в память последующих поколений вошел не он, а Сумароков. Сами по себе трагедии Ломоносова не считаются значительным достижением его творчества.¹⁰ Несмотря на это, они заслуживают внимание исследователя — как жанровая альтернатива к трагедиям Сумарокова и как попытка дать новое направление развитию русской трагедии.

⁷ Там же. С. 992.

⁸ Гукковский Г. К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы // Поэтика. Сб. статей. Л., 1928. Т. IV. С. 126–148.

⁹ См. 80-е письмо сатирического журнала «Адская почта» за 1769 (с. 266). Изображение литературной дискуссии в этом письме не носит сатирического характера. Обсуждается вопрос о том, является ли Ломоносов со своими одами или Сумароков со своими трагедиями «лучшим Стихотворцем».

¹⁰ См.: Мочульский В. М. В. Ломоносов как драматург // Русский филологический вестник. 1911. № 66. С. 310 и сл.; Резанов В. И. Трагедии Ломоносова // Ломоносовский сборник. СПб., 1911. С. 250–251 («Ломоносов не был драматургом по призванию», с. 250). Положительную оценку ломоносовских трагедий предприняла в своих работах Касаткина Е. А. 1) Полемическая основа трагедий Ломоносова «Тамира и Селим» и Тредиаковского «Деидамия» // Учен. зап. Томского гос. ун-та. 1958. Т. 17. С. 122–136; 2) Трагедия М. В. Ломоносова «Демофонт» // XVIII век. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 91–110. См. также: Запавдов А. Отец русской поэзии. О творчестве Ломоносова. М., 1961. С. 208–222 («Трагедии Ломоносова»); Стенник Ю. В. Жанр трагедии. С. 44–56.